

САНДРА АСА

КРОВАВЫЙ
НАВЕТ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
А 90

Sandra Aza
LIBELO DE SANGRE
Copyright © Sandra Aza, 2023
Translation rights arranged by Sandra Bruna Agencia Literaria, SL
All rights reserved

Перевод с испанского Надежды Беленькой

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-26208-9

© Н. М. Беленькая, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Мелодия коснется зимних снов —
Апрель ворвется воздухом цветов —
Не так ли ты беречь меня готов,
О мой художник, инженер моих шагов,
Ломаешь острые шипы, выпускаешь лето,
Открыв мне новые пути в узорах света¹.

Тебе, Маноло, мой светоч и мой свет

¹ Перевод М. Кагановой.

1

РОДЫ

*Мадрид, 1 февраля 1621 года
от Рождества Христова*

Буря бушевала с такой яростью, будто небо готово было обрушиться на землю.

Луиса пыталась успокоиться, но паника лишала ее присутствия духа. Вся она трепетала, не только от страха, но и от холода.

Зимний ветер хлестал по лицу, слезы превращались в ледышки, нос заиндевел, губы одеревенели, и изо рта вырывались облачка пара.

Измученная и сгорбленная, она брела по пустому Мадриду. Роды приближались, и она не знала, сумеет ли справиться с ними сама. Сейчас это казалось невозможным. Одна, вечером февральского дня, на редкость вьюжного.

Ее отец всегда повторял, что пустое брюхо валит с ног в любое время года, но зима обычно ускоряет наступление конца: стоит ей завладеть миром, и голод, превращающий тело в скелет, обретает надежных союзников для изничтожения сынов Божьих — долгие сумерки и безжалостный холод.

Тогда, в 1621 году, отцовские слова звучали как никогда веско: даже старики не припоминали ничего подобного.

Над обледелым Мадридом низко кружили вороны, застывшую грязь устилали тела десятков обездоленных, капилировавших перед тремя царедворцами смерти: холодом, ночью и непобедимым голодом, который уничтожает всякую страсть, кроме страдания.

Никто из злополучных пленников мадридских улиц не надеялся увидеть рассвет следующего дня. И Луиса тоже. Как и ее товарищи по несчастью, она боялась, что ночь будет вечной, потому что Безноса крадется по ее следу; в какой-нибудь миг, воспользовавшись тем, что людей неслышно убаюкивает лунный свет, она проскользнет меж складок ветхого одеяния и окутает ее, Луису, сном, который сделается вечным.

Размышляя над тем, не лучше ли спать в земле, чем страдать, оставаясь на ее поверхности, Луиса продолжала свое бесцельное странствие.

Внезапно она споткнулась о мертвое тело и упала ничком. В глазах у нее потемнело.

— Какая насмешка! — пробормотала она. — Тела других сдались смерти, а в моем теплится жизнь, и даже не одна, а две.

Она попыталась встать, но порыв ветра вновь повалил ее на землю. Поскольку буря не утихала, Луиса еще лежала лицом вниз, измученная, обессиленная, чувствуя под собой ледяной бугор, ставший причиной падения, и завидуя владельцу этого иссушенного голодом остова, едва прикрытого лохмотьями. Он покинул этот несчастный мир, и она жаждала того же.

Она закрыла глаза, молясь о том, чтобы обморок затуманил разум, а бред перенес ее в более уютные края. Пусть хотя бы на миг; пусть лишь в воображении. Однако никакое помрачение, обморок или бред не помогли ей исполнить это единственное желание. Наоборот: живот пронзила резкая боль, да с такой силой, что на мгновение Луиса испугалась, не угодила ли в нее молния.

— Если бы Всевышний не забыл о своей покорной служанке, он бы послал ко мне Дозор хлеба и яиц, — вздохнула она, одной рукой придерживая выпуклый живот, а другой опираясь на покойника, чтобы встать.

Ночной патруль Святой инквизиции и Королевского братства убежища и милосердия, широко известный как Дозор хлеба и яиц, был горячо любим мадридцами. Со времени его

1. Роды

основания в 1615 году трое членов братства по ночам обходили город, заботясь о бедняках. Они раздавали несчастным теплую одежду, предоставляли им места в ночлежках братства и, главное, подкармливали тем, за что удостоились своего прозвища: краюхой хлеба и двумя яйцами. Они же подбирали немощных, умиравших на улицах, а заодно и слабоумных, что вели беседы с ночными тенями. Одних отправляли в лазарет, других в сумасшедший дом в Сарагосу: несмотря на множество монастырей, церквей и благотворительных заведений, в городе не было пристанища, где мог обрести покой пришедший в расстройство разум.

К несчастью для Луисы, в ту ночь судьба, казалось, не желала облегчать ее страдания. Дозор, которого она ждала с таким нетерпением, не появлялся, дитя, которое обитало в ее вздувшемся животе, настойчиво рвалось наружу, а сама она не решалась обратиться в больницу. Беременную незамужнюю нищенку ожидала самая печальная участь. Правила были беспощадными: у нее приняли бы роды и отняли ребенка, затем обвинили бы ее в распутстве и отправили в Галеру, женскую тюрьму, где отбывали наказание воровки, ворожеи, сводни, бродяжки и прочие нечестивицы.

За преступницами присматривали монахини, которые заботились о том, чтобы направить своих подопечных на христианский путь. Это имело своеобразный вид: стремясь показать доброту Бога, они подвергали несчастных люциферовым мукам.

В то время как послушные женщины-заклученные бороздили эти злополучные моря, терпя тяготы, как все мореплаватели, мятежницы пытались плыть против ветра, но к добру это не приводило — и те и другие оказывались на одном и том же берегу покорности.

Стоило сказать монахиням, что «голод не способствует духовным упражнениям», или сморозить другую глупость в том же роде, как те ожидаемо приходили в волнение. Облаченные во власяницу смутьянки по несколько недель проводили в келье без окон, соблюдая строжайший пост и подвергаясь бичеванию, после чего возвращались в загон кроткие, как овеч-

ки, и безоговорочно следовали правилу Абеяра: я держу при себе то, что думаю.

Полная решимости не оказаться в этом ужасном месте, Луиса месяцами скрывалась от альгвасилов. Ее вера в Божье милосердие пошатнулась, однако она всей душой стремилась избежать соответствующих уроков, да еще в такой школе. Даже если роды разорвут ее внутренности, она примет помощь только от тех, кто не поволочет ее в ад, но позаботится о ней, а затем позволит уйти, — от Дозора хлеба и яиц.

Она напряженно вглядывалась во тьму, пытаясь высмотреть какое-нибудь убежище, но безуспешно. Ничего подходящего видно не было. Кроме фонарей, подсвечивавших двери богатых усадеб, да свечей в молитвенных нишах, встроенных в фасады отдельных зданий, никаких источников света в Мадриде не имелось. Днем все было проще, но с наступлением сумерек город окутывала крошечная чернота.

С трудом пробираясь сквозь тьму, Луиса оказалась на Пуэрта-дель-Соль, «Площади ворот солнца», и в это мгновение ее снова скрутила жесточайшая схватка.

В отчаянной попытке ускользнуть от настоящего она цеплялась за прошлое и вспоминала рассказы матери о том, что когда-то на этой площади, название которой давно стало пустым звуком, действительно были ворота, обращенные на восток, откуда вставало солнце; оно было изображено и на самих воротах, что, вероятно, и породило такое название.

Захлестнутая воспоминаниями о прошлом, едва ли не более мучительными, нежели схватки, Луиса снова пустилась в путь и вскоре поравнялась с фонтаном Буэн-Сусесо в начале улицы Алькалá, однако по причине ремонта фонтан был отключен, и она в сотый раз за день пробормотала проклятие.

Умирая от жажды, она направилась к фонтану Каньос-дель-Пераль. Объяснить это можно было лишь помрачением рассудка, вызванным нестерпимой болью: никто в здравом уме не выбрал бы этот фонтан среди многих других, которые были лучше и, что еще важнее, ближе. Каньос-дель-Пераль располагался в конце улицы Ареньяль, и расстояние, которое

1. Роды

Луисе предстояло преодолеть, совершенно не оправдывалось качеством воды — мутного, грязного бульона, годного лишь для нужд ближайшей прачечной. Внутренний компас Луисы, должно быть, работал так же скверно, как и способность различать вкус, поскольку она шагала уже долго, а фонтана ей так и не повстречалось.

Луиса в изнеможении вытерла пот, который, несмотря на стужу, насквозь пропитал ее никчемную одежду. На ней была сорочка, некогда белая, и корсаж из грубой, но прочной ткани, выдерживавшей напор растущего живота. Дырявая, обтрепанная юбка скрывала колени, но не щиколотки, сокровенную деталь женской анатомии, которую приличная сеньора никогда не выставляет на всеобщее обозрение, однако Луисе не удавалось этого избежать: округлявшийся живот приподнимал подол, придавая ей непристойный вид.

Сначала она пыталась одергивать подол или спускать юбку на бедра. Еще она надевала вязаные чулки, которые так часто можно было видеть на бедняках: грубая пряжа стойко отражала нападки непогоды. Однако естественный ход событий сводил на нет ее усилия. Подол юбки упорно рвался к небесам, чулки были измочалены так же, как она сама, а вдобавок Луиса ходила босиком, и ее попытки соблюсти приличия выглядели недостойно и жалко.

Через несколько месяцев она сдалась. Отсутствие всякого человеческого достоинства, огромное пузо, заметное даже слепому, печать отверженности на лбу — если подумать обо всем этом, какая разница, обнажены ее ноги или нет? Вместо юбки или чулок их прикрывал густой слой грязи, прилипший к коже, как плесень к камню, — покров целомудрия, непроницаемый для чужих взоров.

Дополнением к убогой одежде была ветхая накидка на плечах, которая не согревала, но, по крайней мере, прятала позднюю беременность.

От яростного укола в животе Луиса снова замерла на месте, резко согнулась, и в этот миг так же внезапно загудели церковные колокола.

— Куда же меня занесло? — растерянно пробормотала она: звон раздавался совсем близко. — Почему я слышу колокольный звон, а не журчание воды в фонтане?

Вглядевшись в тени и рассмотрев очертания церкви Сан-Хусто-и-Пастор, Луиса поняла: вместо того чтобы двинуться по Ареналь, она устремилась по улице Калье-Майор, пересекла площадь Сан-Сальвадор и вышла на небольшую площадь под названием Кордон.

Недоумевая, как можно было так сильно сбиться с пути, она вновь почувствовала сильнейшую схватку и в отчаянной попытке подавить болезненный стон прикусила губы. Кричать было нельзя. Город наводняли подозрительные субъекты, один из них мог ее выследить... она поспешно заковыляла дальше. Нельзя ничем себя выдавать, особенно сейчас, когда девять ударов колокола объявили об окончании дня и улицы будто вымерли.

Рыночные прилавки разобрали, на дверях лавок повисли замки. Те, кто объявлял новости, расписывал мучения ввергнутых в ад грешников, завлекал покупателей криками «Самые вкусные в городе каштаны!» — глашатаи, проповедники, коробейники и торговцы каштанами — разошлись по домам.

Роскошные экипажи нашли приют в каретниках возле богатых особняков; жулики расселись за столами в тавернах, готовясь превратить украденные кошельки в сытный ужин, а картежники переместились в игорные дома, продолжая партию, начатые под церковными сводами.

Исчезли богомольцы, алхимики, швеи, лакеи, горничные, мелочные торговки, знатные дамы, няньки, кавалеры, оруженосцы, пажы, монахи и бесконечное множество других персонажей всех мастей, которые днем заполняли улицы. Собаки, кошки, петухи, куры, индюки, воробьи и остальная фауна, привыкшая к свободному выгулу, испарилась, будто ее и не бывало. Все разошлось по домам, а бездомным еще на одну луну досталась лишь зимняя вьюга.

Поглощенная мучительной чередой схваток, которые к тому времени сменяли друг друга почти непрерывно, Луиса

1. Роды

с трудом брела вперед. Она пыталась уменьшить свои страдания, делая вдохи и выдохи в такт шагам, но это не приносило ни малейшего облегчения. Коснувшись дрожащими руками груди, она нащупала образок Кармельской Богоматери, подаренный отцом.

— Господи, помоги! — в отчаянии застонала она. — Помоги мне, или я не выдержу.

Почти ползком добралась она до площади Пуэрта-Серрада. Луиса не удивилась отсутствию привычной толчеи. Обильный снегопад не способствовал прогулкам под открытым небом, и обитатели площади нашли себе места поприятнее. Она поступила бы так же, будь у нее хоть какое-то укрытие.

В любом случае ее не слишком волновало, сколько народу повстречается ей на пути. Все ее внимание было поглощено недавно открытым фонтаном Дианы, который возвышался в центре площади и, помимо архитектурных достоинств, предлагал вкуснейшую воду отменного качества.

Она перегнулась через парапет и прильнула губами к струе. Язык обожгло холодом, но она мысленно возблагодарила строителей этого фонтана: вода действительно была великолепной.

Утолив жажду и немного успокоившись, она еще раз обдумала свое положение и пришла наконец к выводу, что ей нужна помощь. Мучения были невыносимыми, и она уже готова была отправиться в больницу, в Галеру или в самую преисподнюю, лишь бы их облегчить.

Яростный порыв ветра оборвал течение ее мыслей и сбил с ног. Пытаясь не обращать внимания на непрекращающиеся схватки, она воспользовалась остатками мужества, чтобы доползти до какого-то дома и прижаться к стене. Ей хотелось остаться там, но она боялась потерять сознание, а потому не позволяла себе устроиться поудобнее.

Внезапно тишину разорвал крик:

— Поберегись!

На Луису обрушился поток твердых и жидких нечистот. Не в силах поверить, что ее постигло очередное бедствие, бед-

няжка, отплеываясь, упала на колени, оказалась в вонючей луже и разрыдалась.

Но несмотря на смятение, благоразумие твердило ей, что надо переместиться в другое, более безопасное место, иначе можно получить вторую порцию фекалий. Она собрала всю свою волю и, пошатываясь, вернулась к фонтану.

Она уже собиралась умыться, когда вокруг все поплыло. Закружилась голова, она упала, и теплый сумрак на мгновение заключил ее в свои объятия. Она уже не ощущала боли, а заодно голода, усталости и холода. Наступил блаженный всеобъемлющий покой.

Но это длилось недолго. Вскоре ей пришлось открыть глаза и встать. Надо было торопиться, пока не стало слишком поздно. Однако ноги не слушались. Воля отказала ей, потребовав забыть об осторожности и погрузиться в сладкую бездну. Неспособная сопротивляться, она подчинилась.

Здравомыслие покинуло ее, она свернулась калачиком в мягком пуху небытия, расслабилась и уснула.

Сдав в Инклусу последнюю стопку чистого белья, Сатурнина побрела домой.

Она была прачкой, а еще галисийкой: довольно распространенное сочетание в Мадриде, потому что большинство женщин с севера оседали в прачечных вдоль Мансанареса, втирая разбитые мечты в камень реальности. Они терли дни напролет, надеясь на осуществление хотя бы одного из тех желаний, с которыми направились в столицу, но все было тщетно. Давние мечты становились все более хрупкими, а камень — все более твердым.

Шел ли дождь, дул ли ветер, обжигал ли щеки мороз, палило ли солнце — на ранней заре Сатурнина брела к Сеговийскому мосту и спускалась к реке. Выкопав в песке ямку, так что получался отдельный небольшой водоем, она погружала в него колени, ставила стиральную доску и сгибалась в три погибели. Так она встречала новый день и зачастую так же его провожала. Многие другие прачки, подобно ей, с рассвета об-

1. Роды

лепляли берег. Некоторые обслуживали какой-нибудь один монастырь или частный дом, другие сами выбирали себе клиентов, и Сатурнина до крайности ценила эту возможность, ведь она принадлежала к последней разновидности, предпочитая работать на себя, а не на хозяина.

Однако и это не сулило ни радости, ни свободы. Скучная поденная работа, предполагавшая постоянную борьбу за существование, отбирала все силы, и, поскольку голод не признавал никаких доводов, кроме звяканья монет в кармане, Сатурнине приходилось обстирывать всех своих нанимателей, и, нравилось ей это или нет, делать это ежедневно. К тому же ей доставалось самое малопривлекательное белье. Обычной ее клиентурой были Общая больница, Приют отверженных, а также Антона Мартина, Латина и Инклуса. Все эти заведения выдавали ей не обычное белье, на котором спали члены семьи или религиозной общины, а обгаженные простыни, пропитанные рвотой сорочки, тряпки, источавшие удушающие миазмы, или кровавые бинты, которые снова и снова использовались для ухода за больными, пока не превращались в ветхое и никчемное тряпье.

Отбеливание гор засаленных и загаженных вещей требовало от нее истового труда и такого количества часов, проведенных в скрюченном и согбенном положении, что она уже не помнила, как некогда выглядели ее руки. Они стали ободранными и опухшими, утратили природную форму — совсем не то, что прежде.

Так называемая независимость была и по ногам: отстирав и выполоскав грязные тряпки, Сатурнина взбиралась на отвесные берега, таща за собой плоды своего труда. Несмотря на усталость, ей и в голову не приходило прибегнуть к услугам носильщиков. Эти ребята, которые за полреала готовы были загрузить товар в плетеную корзину и отнести куда скажут, с радостью пришли бы на помощь, но Сатурнина им не доверяла, потому что содержимое корзины лишь в редких случаях добиралось до пункта назначения в целостности и сохранности. Кроме того, слишком уж дорого доставались ей четы-

ре жалкие монеты, чтобы жертвовать плутоватым бездельникам хотя бы одну из них. Вдобавок члены этой гильдии чаще всего не отличались ни силой, ни выносливостью, и, отдав полреала, она бы в итоге вынуждена была тащить и корзину, и носильщика.

Возвращаясь в тот вечер домой, она думала о поджидавшем ее горшочке с тушеной капустой и треской. Трапеза была скудной, но жалование не позволяло ничего другого, особенно в зимние месяцы. Чахлое солнце, если и выглядывало из-за туч, едва пригревало, а выстиранное белье, если не замерзало вовсе, сохло целую вечность, так что клиенты получали его позже. Меньше белья — меньше денег, и с октября по март дневной заработок был таким же тощим, как она сама. В эти месяцы она позволяла себе лишь немного каши на завтрак и две луковицы на обед — скуднейшую трапезу, в сравнении с которой скромная тушеная капуста, приготовленная на ужин, казалась царским кушаньем.

По пути Сатурнина обманывала голодное брюхо, посасывая кусочек черствого хлеба, найденный на обочине, затем провела рукой по юбке, подбирая крошки: каждая была бесценным орудием в войне с голодом. В кармане чуть слышно звякнуло, она не выдержала и чертыхнулась. Вкалывая от зари до зари, она надрывала себе спину, а заработанного не хватало даже на то, чтобы заморить червячка.

Кляня злосчастную судьбу, а также непрекращающуюся снежную бурю, она покрепче затянула платок на голове, укуталась в плюшевый плащ, поддержала шерстяные гамашы и спокойно, но беспомощно осмотрела свои эспадрильи. К ее разочарованию, они были до того изношены, что подошва едва держалась, а чинить их уже не имело смысла.

Если убогий заработок не позволял ей даже разнообразить ежедневную пищу, добавляя к луковицам дольку чеснока, что уж говорить о починке гардероба.

Смирившись с мыслью о том, что в конечном счете ей придется бродить по Мадриду босиком, она пересекла площадь Конде-де-Барахас и, дойдя до Пуэрта-Серрада, заметила какой-то продолговатый тюк на плитках возле фонтана Дианы.

1. Роды

Вообразив, что перед ней мертвец, она приготовилась поступить так, как обычно поступают простые люди: обыскать его и забрать то, что несчастному больше не пригодится. Сначала исходившая от тела вонь заставила ее поморщиться, но затем она решила не привередничать и улыбнулась в предвкушении добычи. Возможно, день закончится тем, что ей повезет и она разживется чем-нибудь ценным, тем, что хоть немного утолит ее голод.

Увы, стоило пламени фитиля осветить темный предмет, как она различила лежавшую без сознания беременную женщину, и ее гастрономические фантазии улетучились. Однако Сатурнина не растерялась. Сунув под нос девице палец и убедившись, что та дышит, она завернула ее в мантию, взвалила на свои могучие плечи и, погасив фитиль, чтобы освободить руку, двинулась в путь. Дорогу она знала наизусть, и свет ей не требовался.

Она пересекла площадь Себада и свернула на улицу Толедо, официальную епархию приезжих, хулиганов, выпивох и проституток, где происходило столько потасовок, что поблизости всегда околачивались альгвасилы. Не желая никого встречать по пути или отчитываться в том, где она подобрала свою добычу, Сатурнина ускорила шаг, невозмутимо вдыхая тяжелое зловоние, исходившее от бойни и заполнявшее улицу. Она привыкла к нему, и кроме того, перекинутая через ее плечо девица пахла ненамного лучше.

У Толедских ворот Сатурнина остановилась перед полуразрушенной хижинкой. Глинобитное строение пришло в полную негодность, на крыше зияли десятки пробоин, забитых соломой, жук-точильщик сгрыз ветхие рамы двух окон, а шаткая калитка не помещалась в предназначенный для нее проем. Замедлив шаг, Сатурнина толкнула ее с такой силой, что халупа задрожала.

Она вошла в единственную комнату и направилась к тюфяку у дальней стены, где сладко похрапывал ее муж Григорио. Внезапное появление благоверной не заставило его пробудиться, в отличие от оплеухи, которую она ему отвесила.

Сатурнина рывком стащила мужа с кровати и уложила на его место незнакомку. Накрыв женщину одеялом из чертовой кожи, она сунула ей под нос горшок с капустным рагу.

Луиса мгновенно пришла в себя и растерянно огляделась. Покосившись на изъеденные жучком деревянные балки под крышей, она догадалась, что очутилась отнюдь не во дворце, а закопченный фонарь на столе подтвердил ее подозрения. Такие фонари, спутники нищеты, были обычным источником света в бедняцких домах.

Картину довершали стены, покрытые пятнами от сырости; замусоренный пол, оконные проемы, затянутые воценой бумагой, которая защищала от сквозняков — не слишком успешно. Ставни были открыты, а за решетками, выкрашенными в синий цвет, как во всяком бедном доме, простиралась ночь.

У входной двери стояли два стула и старый сосновый стол. Под ним лежали две сумы: в одной хранился лук, в другой — черствые куски ржаного хлеба, который покупали обладатели тощих кошельков, поскольку лишь знатные люди могли позволить себе платить непомерно высокую цену за белый пшеничный хлеб.

В углу помещался кедровый шкаф с плетеными корзинами, вложенными одна в другую, но, к сожалению, все они были пусты, не считая одной, где лежал горох; неподалеку стоял щербатый ночной горшок с естественными жидкостями, терпеливо ожидая десяти часов вечера — после этого разрешалось выплескивать отходы на улицы города. Однако мало кто следовал закону: местные жители щадили свои двери и голосовые связки, выбрасывая нечистоты в окно с коротким возгласом «поберегись!», да к тому же делали это за пределами установленного времени.

У одной стены виднелся небольшой очаг, который обогревал помещение и поддерживал тепло в единственном котле Сатурнины. В нем она готовила олью-подриду¹ самых разных видов, которые, впрочем, не очень отличались друг от друга,

¹ *Олья-подрида* — густой и сытный суп, традиционное испанское блюдо; см. также «Исторические примечания».

1. Роды

так как скудный набор ингредиентов сводил на нет любые творческие порывы.

С прикрепленной к стене решетки свисали кухонные принадлежности, а также курица. Гнилостный запах, исходивший от убитой птицы, говорил о том, что ее надо выбросить, а не пускать в пищу, однако добрый маринад с уксусом и перцем не только делал жаркое нежнее и придавал ему характерный аромат, но и перекрывал несвежий привкус, вполне вероятно присущий мясу.

На грубой скамье перед очагом устраивались посиделки, которым благоприятствовало тепло тлеющих угольев, но, поскольку сложенные у очага дрова нужно было растянуть на всю зиму, беседа не затягивалась слишком долго или, что было куда разумнее, велась под одеялами.

Несколько живописных полотен на благочестивые темы были призваны скрыть пятна на отсыревших стенах. Вместо того чтобы украшать помещение, они резали глаз своей аляповатостью, но это не имело значения — картины были в каждом мадридском жилище. Дом мог разваливаться на части, однако ни богач, ни бедняк не лишал себя удовольствия похвастаться тем, что владеет лучшей в городе коллекцией живописи.

— Где я? — спросила Луиса у двух пар выжидающих глаз.

— Ты в безопасности, красавица, — ответила Сатурнина с заметным галисийским акцентом. — Я нашла тебя возле Пуэрта-Серрада, ты лежала без чувств, и Бог ведает, где бы ты оказалась, если бы не я. Небось, в женской Галере.

Услышав слово «Галера», Луиса вскочила с кровати и бросилась к двери, бормоча проклятия. Месяцы напролет она водила за нос алыгвасилов, а теперь оказалась во власти незнакомых людей со странным выговором, которые, стоило ей прийти в себя, упомянули об этом ужасном месте.

— Куда ты, безумная? — встревожилась Сатурнина. — А ну-ка в постель! Тут не очень тепло, но терпеть можно.

Луиса пропустила мимо ушей ее слова, но ребенок, не желавший начинать свою жизнь посреди заснеженной улицы

с небосводом вместо крыши, будто угадал намерения матери и решительно двинулся к выходу.

— Грегорио! — вскричала Сатурнина, увидев лужу у ног девицы. — Что ты, черт возьми, телепаешься? Малыш на подходе. Закрой ставни. Быстро!

— Какой такой малыш? — пробормотал Грегорио, озадаченно почесывая седую шевелюру. — Это малышка. Кричит, как стадо испуганных овец, но это девочка. А лучше сказать, девица.

— Чем площе бубен, тем больше звона! Дай тебе веревку, и ты бы на ней повесился. Как думаешь, что у нее в животе, недоумок? Она беременна, у нее отошли воды, и мы должны ей помочь.

— Что-что отошло? — переспросил Грегорио. — Я не вижу ничего та...

Наконец слова супруги дошли до его сознания, и он в ужасе разинул рот.

— Помочь? Пресвятая Дева! В своем ли ты уме? Ты вправду хочешь, чтобы эта девчонка произвела на свет младенца в нашем доме?

— Она вот-вот родит, и я о ней позабочусь. Если ты готов помочь, захлопни ставни, но если собираешься дрожать от страха, как пес, то не лезь под руку; лучшая помощь — не мешать.

Лежа на полу, Луиса вносила свой вклад в общее смятение, корчась от боли, пыхтя и издавая душераздирающие вопли.

Сатурнина оттолкнула Грегорио, помогла ей подняться и усадила на скамейку поближе к очагу.

— Мне очень жаль, дорогая, — извинилась она, приподняв ей юбку. — У нас нет родильных кресел, которые используют богатые донны. Только этот скромный табурет.

Роды оказались трудными.

Луиса умирала каждый раз, когда тело ее извергало жизнь с очередным толчком. Она плакала, кричала и снова плакала. Цеплялась за скамейку, за образок Кармельской Богоматери, за ноги и мозолистые руки Грегорио, который, стоя у нее за

1. Роды

спиной, в ужасе наблюдал за родовыми муками и не менее тяжким трудом появления на свет.

Не зная, что к чему, поскольку ей ни разу не доводилось принимать участие в родах в качестве роженицы или же повивальной бабки, Сатурнина действовала по наитию. Она обмахивала Луису веером, массировала ей живот, дышала в том же ритме и уговаривала ее тужиться.

Наконец младенцу удалось преодолеть узкое ущелье, отделявшее его от мира, и занять в этом мире надлежащее место. Когда Сатурнина перерезала пуповину, связывавшую его с прежним обиталищем, он беспокойно зашевелился, а когда его ударили по ягодицам, разразился безудержным ревом.

— Ну и крепыш! — объявила Сатурнина, поспешно заворачивая его в плюшевое одеяло. — Пухлый и упитанный.

Луиса, расprostертая на кровати, куда перенес ее Грегорио, вся в поту и крови, наблюдала за младенцем, и ее глаза сияли от нежности. Мальчик! Как гордился бы ее отец, узнав, что стал дедом такого славного мальчугана!

— Как назовешь его? — спросила Сатурнина.

— Габриэль, — без колебаний ответила она. — Так звали моего отца.

— Хвала небесам! — воскликнул Грегорио, забирая ребенка у супруги и держа его перед собой на вытянутых руках. — Одним солдатиком больше. Капитан Габриэль, добро пожаловать в этот жестокий мир.

— Не пугай его! — упрекнула Сатурнина, забирая визжащего младенца. — Успокойся, касатик. Ты ни в чем не виноват. Я бы тоже испугалась, если бы появилась на свет и увидела перед собой эдакое пугало. Как я бы всем задала!

Она положила малыша на грудь Луисы и укрыла обоих одеялом. Учувя запах молока, карапуз позабыл о своих невзгодах и потянулся к еде.

Луиса погладила головку младенца, которая еще не выровнялась, и, не в силах сдержать волнение, прослезилась.

Уважая таинство кормления грудью, Грегорио и Сатурнина уселись на скамейку и вполголоса принялись обсуждать

Аса С.

А 90 Кровавый навет : роман / Сандра Аса ; пер. с исп. Н. Беленькой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 768 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-26208-9

Суровой зимой 1620 года страшное двойное убийство сеет панику в Мадриде: найдены трупы молодой женщины и ребенка, у которого вырезано сердце. Городские сплетники вскоре назначают преступником уважаемого и возмутительно порядочного нотариуса Себастьяна Кастро. Убийца, настроивший весь Мадрид против невинного, разгуливает на свободе, а Кастро, который неосторожно засвидетельствовал завещание одного очень совестливого аристократа, даже не подозревает, чем рисковал. Достаточно одного доноса узколобого и напуганного горожанина — и несколько жизней разбиты вдребезги.

Однако детям Кастро удается ускользнуть: тринадцатилетний Алонсо, еще вчера беззаботный подросток, с братом-младенцем на руках оказывается на улице, где ему грозят голод, холод и арест. Отныне вся его жизнь подчинена единственной цели — спасти родителей от инквизиции. А помогают ему друзья — такие же бездомные и с таким же пламенем в сердце.

Сандра Аса много лет проработала юристом, но бросила практику ради мечты о писательской карьере. Ее дебют «Кровавый навет», первая часть дилогии, — захватывающий приключенческий триллер с элементами нуара, судебного процедурала и даже плутовского романа, достойный и Александра Дюма, и Артуро Переса-Реверте, — в Испании мгновенно стал культовым. Серийные убийства, вся подноготная инквизиции, семья, уничтоженная предрассудками, месть и справедливость, стремительное взросление и поиски своего пути — перед нами идеальный исторический роман, и такого золотого века мы еще не видели.

Впервые на русском!

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

САНДРА АСА

КРОВАВЫЙ НАВЕТ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Владимир Петров
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Золотова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.11.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.aoampk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-BBH-35190-01-R